

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТИПОЛОГИЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В ПОСТПАНДЕМИЙНОМ ГОРОДЕ

ЖЕЛЕЗНЯКОВА Мария Алексеевна

преподаватель кафедры архитектуры и градостроительства

Тюменский государственный институт культуры

г. Тюмень, Россия

Статья анализирует трансформацию общественных пространств в постпандемийном городе. Рассматриваются изменения маршрутов, социальной дистанции, форм коммуникации и моделей взаимодействия жителей. На основе российских и зарубежных практик выделены новые типологии — микро-маршруты, гибридные улицы, временные площадки и зелёные коридоры, отражающие переход к распределённой и адаптивной городской среде.

Ключевые слова: постпандемийный город, общественные пространства, типология, урбанизм, повседневные маршруты, дистанция, архитектура публичности

Эпидемия COVID-19 стала не только медицинским, но и пространственным вызовом, радикально изменившим сценарии городской жизни. Привычные формы коллективного присутствия — площади, улицы, культурные институции — оказались ограничены, что привело к снижению плотности взаимодействий и пересмотру привычной логики использования городских пространств [2].

Одновременно проявились новые закономерности функционирования городской ткани: внутривороневые проходы, линейные зелёные маршруты и освобождённые от транспорта улицы приобрели статус ключевых зон повседневной активности [9]. Возник запрос на адаптивные и устойчивые сценарии городской среды, способные реагировать на изменения поведения и подвижность потоков [7].

Цель статьи — исследовать, как ограничения последних лет трансформировали типологию общественных пространств, фокусируясь на маршрутах, дистанциях и зонах коммуникации.

Материалом послужили современные исследования урбанистики и пространственного поведения в период и после ограничительных мер, а также анализ реализованных практик временных и постоянных пространственных преобразований. Теоретическая база опирается на концепцию городской адаптивности [5], идею «15-минутного города» и исследования перформативности городской среды [8].

Понимание изменений основано на представлении общественного пространства как поля коммуникации, где социальные связи формируются через движение, визуальные контакты и телесную соотнесённость людей. Пространственная форма влияет не только на маршруты, но и на способы взаимодействия, задавая ритмы, плотность и сценарии присутствия [1,6].

Сдвиг в городской повседневности проявился на маршрутах, которые перестали восприниматься исключительно как транзитные коридоры, связывающие ключевые точки города, и обрели самостоятельный смысл. Короткие прогулки, петли вокруг дома и локальные перемещения стали важнейшей формой повседневной жизни, а сам маршрут превратился в сцену взаимодействия и наблюдения [1,3]. Реализация этого принципа видна в «микро-маршрутах» на благоустроенной набережной реки Туры в Тюмени, где смотровые террасы, игровые зоны и небольшие кафе-контейнеры чередуются так, что прогулка остаётся насыщенной, но компактной, а в проекте «Superkilen» в Копенгагене локальные культурные «островки» создают разнообразные сценарии взаимодействия жителей без необходимости длительных перемещений.

Изменение пространственных практик проявилось и в роли дистанции. Если ранее она рассматривалась преимущественно через призму эргономики и композиции, то в период ограничений дистанция стала нормативным инструментом регулирования

плотности и моделей взаимодействия [1]. Это породило устойчивый запрос на разреженные, но психологически комфортные среды — набережные, парки и микро-площади, где физическое расстояние не препятствует визуальной и символической общности. Исходя из этого, формируются две взаимодополняющие типологии: «пространства дистанцированной общности» и «пространства расширенной интимности» [1,4]. Первая типология проявляется в полупубличных зонах, где жители ощущают соприсутствие друг друга, сохраняя личные границы, например, во дворах жилого комплекса «HEADLINER» в Екатеринбурге или в «Biblioteca degli Alberi» в Милане, где тропинки и зоны отдыха позволяют наблюдать и взаимодействовать, не нарушая дистанцию. Вторая типология предполагает локальные, приватные ядра, обеспечивающие ощущение защищённости, но остающиеся частью городской ткани, примеры — тихие дворы жилых комплексов «Речной порт», «Республики 205», «Дом у озера» от девелоперской компании Брусника в Тюмени и микро-площадки студии «Sou Fujimoto» в Токио, где визуальная проницаемость создаёт эффект интимного общественного пространства. Для архитектора это означает необходимость переосмысления соотношения пустоты и плотности, проектируя среды, где человек видит других, но не ощущает навязчивого соседства, сохраняет автономию и остаётся включённым в общий городской ритм [4,9].

Параллельно меняется структура зон коммуникации: традиционные узлы — площади, кафе и культурные учреждения — постепенно уступают место множественной сети локальных точек активности [8]. Временные площадки, выносные террасы и уличные «капсулы» формируют распределённые пространства взаимодействия и снижают роль крупных центров притяжения. В результате возникает новая типология общественного пространства — фрагментированная, но связанная сеть, в которой каждая малая точка обладает потенциалом коммуникации, а внимание проектировщика смещается на конфигурацию маршрутов и микро-площадок, создающих ткань «жизни между зданиями» [5].

На этой основе выделяются две ключевые типологии. Первая — «гибридные городские площадки», объединяющие открытые и закрытые функции и обеспечивающие климатическую и программную трансформацию [8]. Этот формат проявляется, например, в павильонах театра «Глобус» в Новосибирске, где пространства используются как сцена, временный рынок и выставочная зона в зависимости от сезона, а также в проекте «Schieblock» в Роттердаме, где городская терраса, коворкинг и многофункциональные площадки объединены общей гибкой структурой. Вторая типология — «цифрово-физические гибриды», где цифровые слои дополняют и расширяют физическое присутствие [2,8], например, на площадке «Зарядье» в Москве и в «Haus der Statistik» в Берлине. Совокупно эти подходы формируют адаптивную, многомодальную сеть коммуникации и требуют от архитектора приёмов, обеспечивающих трансформируемость, масштабируемость и интеграцию цифровых слоёв в физическую ткань города.

Рассмотренные типологии — от микро-маршрутов до гибридных городских площадок — отражают общий вектор трансформации городской среды. Она становится распределённой, адаптивной и чувствительной к меняющимся социальным сценариям. Пандемия лишь ускорила эти процессы, проявив деконцентрацию городской жизни, рост временных структур и переход к гибким форматам общения [3,7]. Современные публичные пространства утрачивают фиксированность, но приобретают способность к самоорганизации, и архитектура всё явственнее выступает медиатором социальных взаимодействий [6].

Централизованные узлы уступают место сети локальных точек и маршрутов, а вместо монолитных площадей появляются временные и сезонные конфигурации [9]. Фокус проектирования смещается с объекта на динамику среды и возможность трансформации. Городское пространство становится «полем возможностей», где границы между частным и общественным, статичным и мобильным остаются пронизываемыми [5].

Для малых и средних российских городов такие изменения особенно важны, поскольку здесь выявился дефицит качественных зон общения, способных поддерживать социальные связи в условиях неопределённости. Развитие зелёных коридоров, микро-маршрутов, временных площадок и гибридных улиц может повысить комфорт среды и восстановить чувство сопричастности, ослабленное в период изоляции.

Таким образом архитектура вновь утверждает свою общественную миссию — формировать условия для коллективной идентичности и повседневного взаимодействия. Качество современной городской среды определяется её гибкостью, человеческим масштабом и готовностью поддерживать жизнь в изменчивом ритме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гукасян, Г. Л. Урбанизация и пандемия COVID-2019 в городах мира: утрата преимуществ города или переосмысление городского развития / Г. Л. Гукасян. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2021. — 19 с. — (Вестник РУДН. Государственное и муниципальное управление; № 1).
2. Дубино, А. М. Переосмысление организации городского пространства в условиях пандемии коронавируса / А. М. Дубино. — Тезисы доклада, Архитектура и город после пандемии, 2020. — 12 с.
3. Жижек, С. Пан(дем)ика! COVID-19 сотрясает мир / С. Жижек. — Москва : Ad Marginem, 2020. — 224 с.
4. Ревзин, Г. Урбанистика на карантине: как строить город после эпидемии / Г. Ревзин. — Москва : Московское отделение Фонда Карнеги, 2020. — 36 с.
5. Kleilein, D., Meyer, F. (eds.) Post-Pandemic Urbanism. Berlin : Jovis Verlag, 2021. — 192 p.
6. Lehmann, S., Szopińska-Mularz, M. (eds.) Novel Trends in Urban Planning for Building Urban Resilience. Basel : MDPI, 2024. — 208 p.

7. Montoya, M. A., Krstikj, A., Rehner, J., Lemus-Delgado, D. (eds.) COVID-19 and Cities: Experiences, Responses, and Uncertainties. Cham : Springer, 2021. — XVI, 335 p.

8. Moreno C., Allam Z., Chabaud D., Gall C., Pratlong F. Introducing the «15-Minute City»: Sustainability, Resilience and Place Identity in Future Post-Pandemic Cities // Smart Cities. – 2021. – Vol. 4, No. 1. – P. 93–111. – DOI: 10.3390/smartcities4010006.

9. Navarro-Jurado, E., Larrubia Vargas, R., Almeida-García, F., Natera Rivas, J. J. (eds.) Urban Dynamics in the Post-pandemic Period: Tourist Spaces and Urban Centres. Cham : Springer, 2023. — 250 p.

TRANSFORMATION OF PUBLIC SPACE TYPOLOGIES IN THE POST-PANDEMIC CITY

ZHELEZNYAKOVA Maria Alekseevna

Lecturer, Department of Architecture and Urban Planning

Tyumen State Institute of Culture

Tyumen, Russia

The article analyzes the transformation of public spaces in the post-pandemic city. It examines changes in routes, social distancing, forms of communication, and patterns of resident interaction. Based on Russian and international practices, new typologies are identified — micro-routes, hybrid streets, temporary plazas, and green corridors — reflecting the shift toward a distributed and adaptive urban environment.

Keywords: post-pandemic city, public spaces, typology, urbanism, daily routes, distance, architecture of publicness